

вали бы мгновенно» (С. 136).

Затронув в настоящей рецензии лишь незначительную часть заинтересовавших нас проблем, рассмотренных в книге «Динамичная Финляндия», мы настоятельно рекомендуем ознакомиться с полным текстом исследования профессоров Пертти Песонена и Олави Риихинена, которое, являясь весомым вкладом в изучение современного финского (и не только) общества, станет как существенным концептуальным «подспорьем» в научно-поисковой деятельности маститых историков-профессионалов, так и обильным источником конкретных фактов и статистических данных для тех, кто только начинает свой путь в науке или просто интересуется историей стран Скандинавского региона.

А. Г. Шкваров

Plokhly S. Tsars and Cossacks: a Study in Iconography. Harvard Papers in Ukrainian Studies). - Cambridge, MA, 2002 - 102 p.

Работа «Цари и казаки: исследования иконографии» Сергея Плохия, директора исследовательских церковных программ канадского института украинских исследований (Университета Альберты), - уникальное исследование, посвященное изучению проблематики отношений украинского казачества с монархами, и ее отражение в иконах, живописи и гравюрах на дереве конца XVII - начала XVIII вв.

Данное исследование позволяет посредством зрительного «общения» с искусством углубить и расширить познания этой судьбоносной для украинского казачества эпохи во всех её ракурсах - политическом, религиозном и культурном.

Работа состоит из шести глав. Центральное место в исследовании занимает изучение изображений Покрова Пресвятой Богородицы - наиболее почитаемых в казачьей среде, и икон,

как на гетманской, русской Украине, так и за ее пределами - в польской Украине и в Запорожской Сечи. Парадоксально, но иконография Покрова отражает всю высокую степень «политизации» украинской общности в ее отношениях с царской властью рассматриваемого промежутка истории. Введение посвящено одной из таких икон, размещавшейся в Покровской церкви г. Переяславля, знаменитого радой 1654 г., и описанной Т. Г. Шевченко в повести «Близнецы», где помимо образа Пресвятой Богородицы присутствуют царь Петр, Екатерина, Меншиков и ряд казацких старшин, что, по мнению автора, широко характеризует отношение конкретных представителей казачьей элиты к существовавшему устройству Украины и в тоже самое время выражает их чаяния и надежды.

Первая глава представляет собой обзор проблематики формирования казачьей идентичности на Украине в 1650 - 1750-х гг., разнообразию вариантов в определении ее этнических и религиозных истоков, но всегда в значительной степени зависящих от политической и социальной конъюнктуры того или иного отрезка истории. Малороссийская идентичность начала формироваться усилиями иерархов Православной церкви Украины в качестве попыток противостояния диктату Московского патриархата, стремившегося к жесткому каноническому подчинению Киевской митрополии, т. е. имела под собой, прежде всего, религиозную подоснову, опирающуюся на общность, как этническую /1/, так и религиозную всего населения и Великой и Малой России, но при этом подчеркивая то, что центр светской и духовной власти, изначально был в Киеве и позднее переместился во Владимир на Клязьме и затем в Москву, но с точки зрения духовности Киев оставался не менее, а даже более важным, нежели Москва.

Провалившаяся попытка гетмана И. Выговского выйти из состава Московского государства, образовав некое княжество Русское и на паритетных началах вступить в Речь Посполитую, третьим субъектом, наряду с Польшей и Литвой, означала выд-

вижение на первое место не религиозный аспект, а правовой - защиту казачьих свобод. Но вместе с тем, она породила некий миф о хазарском происхождении казачества, по аналогии с польским сарматским мифом, что фактически обрывало всякую связь с Москвой, столь тщательно выведенную украинским духовенством.

Во второй главе автором изучается развитие на Украине иконописи, сюжетно связанной с темой Покрова Божьей Матери. На протяжении XV - XVI вв. отмечается преимущественное влияние западной школы иконографии, прежде всего итальянской. Это подтверждается рядом признаков таких как, реалистичность живописи, присущая западному искусству, а не консервативной православной школе иконописи северо-восточной Руси, т. е. Московского патриархата. Богородица, как правило, изображалась юной девой, что должно было символизировать Непорочное Зачатие, принятое в католицизме, но отвергаемое Православием. В тоже время на ее голове присутствовала корона, что свидетельствует еще об одной западноевропейской традиции изображения Богородицы, как царицы небесной. Начиная с XVII в. усиливается влияние северо-восточных православных школ иконописи - Новгорода, Суздаля и Москвы, выразившееся, прежде всего в двухъярусной композиции, где Богородица изображалась в верхней части иконы, стоящей на облаке и держащей в руках покрывало (покров), символизирующее ее защиту всем верующим. В тоже время на иконах изображаются представители православных иерархов, монашества Украины и казачьей элиты в качестве паствы, на которую распространяется Покров - защита, покровительство Богородицы, что должно было служить усилению их популярности среди всей массы населения, отражением их «особенности» и заслуг, так как иконы являлись главными предметами поклонения.

Хотелось бы отметить, что икона Покрова Божьей Матери из Переяславля, о которой шла речь во введении, представляет из себя соединение, как северо-восточной русской школы

иконописи, так и западноевропейской. Первая подтверждается традиционной двухъярусной композицией, вторая - реалистичным изображением паствы, в первую очередь Петра I и Екатерины. Петр I в рыцарских латах имеет сходство со знаменитым портретом кисти английского художника Годфри Неллера (1698 г.) /2/. Изображение Екатерины также относится к религиозной живописи, нарушающей канонические правила русской иконографии, запрещающей чувственную, плотскую привлекательность, в соответствии с сотым правилом Трулльского собора (Пято-Шестого 691 - 692 гг.), не признаваемого римско-католической церковью.

Автор подчеркивает, что культ Покрова был менее распространен на Украине, в отличие от северо-восточной Руси. Хотелось бы заметить, что для вольного казачества, т. е. Запорожского, а также Донского, неразрывно связанных друг с другом, праздник Покрова был главным праздником Войска, главным храмом Запорожской Сечи опять же была церковь Покрова Божьей Матери, а соответственно особым почитанием пользовались и иконы. Традиционно, в казачьей истории, принято считать, что это связано с событиями «Азовского сидения» 1637 - 1642 гг., когда в преддверии праздника Покрова в 1641 г., осажденным казакам было видение «жены прекрасной в багряной ризе», они пошли на прорыв и обнаружили, что турецкая армия отступила. Но по моему мнению, следует искать более ранние и древние истоки культа Божьей Матери, связанного с культом богини Умай - покровительницы плодородия тюркского и скифского происхождения. (К особому почитанию Богородицы следует отнести и праздник Дня казачки, совпадающий с праздником Введения Богородицы 21 ноября по ст. ст., и 4 декабря по н. ст.).

Интересная подробность обнаруживается на приведенной автором в качестве иллюстрации иконе Покрова Божьей Матери из Запорожской Сечи. Помимо Божьей Матери на иконе присутствует и Св. Николай, один их наиболее чтимых святых в

казачьей среде, что многими казачьими историками (В. Д. Сухо-руков, С. Г. Сватиков, Е. П. Савельев, С. Ф. Быкадоров, Х. И. Попов) /3/ трактуется, как подтверждение «новгородского» следа в этнической истории казачества - переселения значительного количества выходцев из Великого Новгорода в период его присоединения к Московскому государству (1471 - 1571 гг.).

Современные казачьи историки и атаманы неоднозначно относятся к новгородскому фактору в истории возникновения Всевеликого Войска Донского. Или стараются вовсе пропустить эту страницу /4/, или объясняют это не переселением новгородцев, вызванным насильственным присоединением Новгорода Москвой в 1471 - 1571 гг., а изгнанием самими новгородцами казаков-гетов, пришедших с причерноморских территорий - родины всего казачества и поселившихся здесь в IX в. /5/, опять же отрицая «новгородский» фактор при зарождении Всевеликого Войска Донского. Причина «нежелания» признать очевидное кроется в претензиях на этническое возрождение, конструирование особой «казачьей аутентичности» или национально-государственного самоопределения, опасного для самих казаков, вступающих таким образом в конфликт, как с государством, так и с населением (неказачьим) бывших казачьих областей.

Глава третья посвящена появлению в изображениях Богородицы апокалипсического сюжета, связанного с крыльями орла, которые даны были ей для Змея, «нарицаемого дьяволом и сатаной». Сочетание крыльев орла с традиционной мантией - покровом в руках Богородицы в иконографии после Переяславской рады приобретает политическое значение, отражающее с одной стороны принятие Украины русским царем под свою защиту, с другой - лояльность киевского духовенства к новой власти, тем более, что после 1659 г. (присяги Ю. Хмельницкого) вопрос перехода Киевской митрополии в юрисдикцию Московского патриархата был практически predetermined. По мнению автора, этот период истории отличается практически полным отсутствием икон, и основные изображения Богородицы, рас-

сматриваемые исследователем - это гравюры из различных духовных книг, выходивших в Киево-Печерском монастыре. Помимо крыльев Богородицы на гравюрах становится обязательным присутствие двуглавого орла и Св. Георгия Победоносца при сохранении признаков западной манеры изображения женского образа.

Однако, иконопись, сюжетно связанная с Покровом и Богородицей, существовала и развивалась не только в гравюрах. И здесь следовало бы обратить внимание на икону «Азовской Богоматери», созданной, по мнению ряда исследователей, Московской школой иконописи, и посвященной взятию Азова и начинающейся войне со Швецией /6/. В центре иконы изображена Богоматерь, за спиной которой раскинул свои крылья двуглавый орел, таким образом, создается впечатление крылатой женской фигуры. Чуть выше расположена надпись из Апокалипсиса: «И дана была жене два крыла орла великого» (Откр. 12, 14). Внизу, слева, помещен юный всадник в латах, убивающий змея (Турцию) - олицетворение образа Св. Георгия Победоносца. Справа - Петр I верхом с царевичем Алексеем, в сопровождении воинов, своим конем наступающим на льва (Швецию). В самом низу, под копытами всадников, иконописец разместил две крепости, разделенные рекой - Азов и Кизикермен /7/. Для нас представляет интерес не сама икона, поскольку, как уже упоминалось, она относится к Московской школе, а фронтиспис к Панегирику, выпущенному Киево-Печерским монастырем в 1702 г. и гравированный Леонтием Тарасевичем. Гравюра Л. Тарасевича повторяет сюжет иконы Азовской Богоматери, т. е. принимает ее за основу своей композиции, но с некоторыми интересными изменениями. Изображение Богоматери значительно уменьшено и размещается уже непосредственно на груди огромного двуглавого орла. Образ Св. Георгия Победоносца, поражающего копьём змея, представлен не юным всадником, как на иконе, а усатым казаком средних лет. Такие же казаки - воины сопровождают царя Петра и царевича Алек-

сея. Можно сделать предположение, что Л. Тарасевич изображал конкретных людей, один из которых гетман Мазепа. Примечательна связь данной гравюры с более ранним произведением того же мастера - гравюрой 1689 г., поднесенной царевне Софье по случаю завершения Крымских походов князя В. Голицына. Сама гравюра не сохранилась, т. к. была уничтожена (в т. ч. и все оттиски) по приказу Петра I /8/. Описание её известно из «расспросных речей» Сильвестра Медведева, подъячего Семёна Надеина и полковника Ивана Перекрестова /9/. Композиционная схожесть заключается в присутствии на гравюре Софии Премудрости Божией, символизирующей царевну Софью, а также князя В. Голицына в образе Св. Георгия Победоносца, царей Петра и Ивана в образе Св. Мучеников Бориса и Глеба /10/.

Следует упомянуть ещё одну икону «Богоматерь Ильинская Черниговская», созданную в 1697 г. в память Азовской победы и поднесенной царю Петру, по косвенным свидетельствам, в январе 1697 г. настоятелем черниговского Троице-Ильинского монастыря Лаврентием Кривоносовым. Присутствие на иконе камня с планом Азова символизировало царя Петра (соответствие имени: Петр - камень) /11/.

В главе четвертой автор анализирует возрастание роли образа Богдана Хмельницкого, в том числе и в иконографии, как отражение, с одной стороны, лояльности казачьих полковников, чья зависимость от воли монарха усилилась после измены Мазепы, а с другой, как напоминание об обещанных в 1654 г. привилегиях и правах для Малороссии. Одновременно с малороссийской казачьей элитой образ Хмельницкого использовали и мазепинцы-эмигранты Ф. Орлика в качестве доказательства нарушения Москвой обязательств перед гетманом и Украиной, а также в качестве оправдания поступка Мазепы по аналогии с попытками Богдана Хмельницкого заключить некие соглашения со шведской короной. Формирование культа Б. Хмельницкого нашло свое отражение и в иконах. Прежде всего, это относится к известной иконе Покрова Божьей Матери из села Дешки,

неподалеку от г. Богуслав Киевской обл., хранящейся ныне в Национальном музее изобразительных искусств Украины. По мнению автора, икона, написанная в конце XVII в., была переписана в начале XVIII, или по причине того, что первоначальный образ казака, изображенного на иконе не был портретом легендарного гетмана, или недостаточно правдиво отображал его. В любом случае, возрождение культа Хмельницкого означало победу идеи Малой России над идеей независимости Украины, создаваемой И. Мазепой и его преемником Ф. Орликом.

Глава пятая посвящена изучению иконы Покрова Божьей Матери в церкви Переяславля. Автор тщательно анализирует образы, представленные на иконе, изначально отталкиваясь от варианта, предложенного Т. Шевченко в повести «Близнецы», где великий украинский поэт идентифицирует одновременно Петра I, Екатерину I, А. Меншикова, гетмана Мазепу и переяславского полковника Ивана Мировича, заботами которого и была построена сама церковь в Переяславле, что уже само по себе является загадкой. Каким образом, на иконе могли оказаться взаимоисключающие друг друга личности? /12/ Тем более, что исходя из присутствия на иконе изображения Екатерины, автор исследования делает предположение, что икона была написана в период с 1712 по 1725 гг., т. е. с момента свадьбы русского царя до его смерти. Сама церковь была действительно построена заботами переяславского полковника Ивана Мировича в период с 1704 по 1709 гг. Но сам Мирович не увидел законченного строительства храма, так как в 1706 г. попал в плен в Ляховичах, а в 1707 г. скончался в Швеции /13/. Можно было бы предположить, что образ погибшего И. Мировича заслуженно бы появился на иконе, но переход его сыновей, сначала Федора, затем Ивана, на сторону изменника Орлика, исключает это. Автор приходит к наиболее вероятному предположению о том, что на иконе запечатлен Иван Федорович Сулима, наказной переяславский полковник в период 1716 - 1721 гг., так же, как и его сын - Семен Сулима, отразивший себя в аналогичной иконе,

находившейся в родовом поместье Сулимовке и полностью повторявшей сюжет предыдущей иконы /14/. В любом случае, это подтверждает стремление казачьей старшины использовать все способы для расположения к себе императорского двора, в том числе и запечатление каждого нового русского императора или императрице вместе с собой в иконографии, как мы можем видеть это в случае с семейством Сулима.

В заключительной шестой главе автор исследования рассматривает иконы Покрова Божьей Матери, относящиеся к другим областям Украины, или не относящимся к юрисдикции России - Правобережью и Галиции, или пытавшимся сохранить относительную независимость от Москвы - Запорожской Сечи. Особенностью запорожских икон является или полное отсутствие изображений царственных особ или их наличие, но без каких-либо четких портретных привязанностей, позволяющих идентифицировать конкретного русского монарха. Западные или правобережные иконы Покрова, преимущественно относящиеся к греко-католической церкви, т. е. униатской, отличает попытка художественным способом найти компромисс Православия с Контрреформацией, путем изображения, как православных иерархов этих регионов Украины, так и ко-ролевских особ.

Однако, если западные униатские иконы демонстрировали лишь союз православного духовенства с польскими властями, то иконы Гетманщины отражали не только преемственность византийской традиции устройства всего православного мира во главе с императором, но и роль казачьей элиты совместно с властью, находящихся под сенью Покрова Божьей Матери. Выражаясь современным языком, иконопись служила средством PR для украинской старшинской верхушки.

Малороссийская идентичность, отраженная в иконах Покрова с одной стороны, демонстрировала гибкость перед империей, но с другой, не давала раствориться полностью в великороссийской идентичности. Малороссийское казачество оста-

валось фундаментальным элементом, сохранявшим свою идеенность, что позволило в будущее создать новое независимое государство - Украину. Помимо этого, на примере Малой России мы можем видеть, что Русское Православие и Русское Униатство, как этно-конфессиональные модели формирования национального самосознания, были одним из результатов окончания эпохи европейских религиозных войн.

В заключении, хотелось бы отметить, что в отличие от многих исторических исследований, выходящих сейчас в Украине, данная работа абсолютно деполитизирована.

В работе автором использовано большое количество источников - русских, украинских и западных исследователей, не только в области иконописи, иконографии и живописи, но и документов, хроник, фактами подтверждающих процессы, нашедшие свое образное отражение в изобразительном искусстве.

1. Идея малороссийской идентичности основывалась на этнической общности всех восточных славян, происходивших от Мешеха (Мосоха) шестого сына Иафета (Афета), т. е. прямого потомка Ноя.
2. Копия картины работы А. Белли представлена в Романской галерее Государственного Эрмитажа Санкт-Петербурга.
3. См. Быкадоров И. Ф. История казачества. Т. I. Прага 1930. С. 118 - 121; Савельев Е. П. История казачества с древнейших времен до конца XIX в. Ростов-на-Дону. 1990. С. 263 - 291 и др.
4. Алмазов Б. А. Мы - казачьего рода. Хельсинки. 2008. 646 с.
5. Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие. М., 2008. 636 с.
6. Икона хранится в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге.
7. Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. М., 1984, С. 181, илл. 39.
8. Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 240.
9. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археологической комиссии. Т. I. СПб., 1903. С. 655 - 657, 660 - 661.
10. Борин В. Два памятника иконографии XVII и XVIII вв.: Икона Азовской Божьей Матери и прорись с неё// Светильник. 1914. №8. С. 2

- 12.

11. Карпинский К. Сведения об иконе Божией Матери Троицко-Ильинской Черниговской, поднесенной, по взятии Азова в 1696 году, императору Петру Великому // Вера и жизнь. 1913. № 13. С. 46.

12. Клан Мировичей относился к категории сторонников изменника Мазепы.

13. Донесение Мазепы Петру I. Письма и Бумаги Петра Великого. СПб, 1900. Т. IV, Вып. 2. С. 861 - 863; Об отказе на челобитную Мировичей// Сенатский архив. СПб, 1910. Т. XIV. С. 189.

14. Икона в селе Сулимовка была написана позднее в царствование Анны Иоанновны (1730 - 1740).

VII. Хроника.

Конференции, проведенные кафедрой Истории Нового и новейшего времени
(октябрь 2009 - март 2010 гг.).

С октября 2009 г. по март 2010 г. при участии кафедры Истории Нового и новейшего времени было организовано пять научных конференций.

7 октября 2009 г. на историческом факультете СПбГУ состоялась конференция «Проблемы истории России и Северной Европы от средних веков до наших дней», приуроченная к 90-летию видного учёного, специалиста по истории взаимоотношений России со странами Северной Европы, доктора исторических наук Игоря Павловича Шаскольского. Проведение конференции было задумано в форме дискуссии по важнейшим проблемам взаимоотношений России и скандинавских стран, а также анализа накопившихся исторических взглядов и оценок. Инициатором и организатором проведения конференции выступила кафедра Истории Нового и новейшего времени, совместно с Санкт-Петербургским Институтом истории РАН, Российской национальной библиотекой и музеем Антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой).

В работе конференции приняло участие около сотни специалистов-исследователей из различных научных и образовательных центров Санкт-Петербурга, Москвы, а также, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Мурманска, Петрозаводска, Ростова-на-Дону. На конференции с докладами также выступили исследователи из Финляндии и Беларуси.

Конференция открылась пленарным заседанием, где с приветствием к участникам научного форума обратились председатель оргкомитета конференции и один из её главных орга-